

Елена Смилянская

Русские в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция как опыт освоения культурного пространства

Abstract

Russia's presence in the Eastern Mediterranean began with the Archipelago expedition in conjunction with the Russo-Turkish War of 1768-74. Through the expedition, Russia conquered more than twenty islands and declared a Russian archipelago principality. What did the Russians expect to find in the Turkish Mediterranean? Whom did the Russians intend to liberate from the Osman yoke? How did the Archipelago expedition shape Russian historical memory? At the beginning of the expedition, the region seemed more mythical than real. Even when reality intruded—through the need for organized trade or political relations—literary stereotypes still influenced everyone from memoirists to military engineers sent to make maps of the area. Russia widely asserted that it was inserting itself into the Eastern Mediterranean in order to aid Orthodox Greeks. However, many illusions about Orthodox unity dissipated under close contact with the Greek population. The Greeks, it turned out, were not the antique heroes the Russians expected.

Given its mythic views of Greece, what "ideal enlightened state" did Russians hope to develop on the islands? Archival materials prove that Russian Admiral of the Fleet George Spiridov tried to create a new Greek state in the form of a republic or duchy, to support the first steps of Greek islands towards their independence under possible Russian protection. The Archipelago expedition was both a military and intellectual adventure. Not only did Russia begin to explore its interest in the Mediterranean, but the expedition members also had the rare experience of leaving the borders of their intellectual home. These men had the opportunity to compare the mythological with the real and to place themselves into the great flow of Mediterranean civilization.

Резюме

Российскому присутствию в Средиземноморье положила начало Архипелагская экспедиция российского флота в период русско-турецкой войны 1769-1774 гг. После Чесменской победы Российский флот на пять лет стал хозяином Восточного Средиземноморья, более 20 островов были объявлены Архипелагским княжеством Екатерины II. Архипелагская экспедиция рассматривается в статье не только как военная акция, а как уникальный опыт освоения Средиземноморского культурного пространства, с древности имевшего для России преимущественно религиозное значение. Что же участники экспедиции могли ожидать от встречи с Восточным Средиземноморьем? Ради чего отправлялись в дальний поход и как складывались отношения с православным греческим населением, освобождение которого было объявлено главной целью экспедиции? Очевидно, что после неудач совместных действий на Пелопоннесе, наступило разочарование в греках, которых представляли своего рода античными героями, «спартанцами» с православным крестом в руках. Но на островах в южной части Эгейского моря в 1771-1774 гг. адмиралом Спиридовым был предпринят первый в России опыт государственного строительства на «заморских территориях», разработаны проекты обустройства союза островов как республики или герцогства с самоуправляемыми местными администрациями и верховным Сенатом, создавалась столица и военная база на острове Парос.

В 1775 г. флот покинул Архипелаг, но чтобы в русской исторической памяти средиземноморское предприятие оставило заметный след, и императрица, и участники экспедиции сделали немало. Память о нем наполнила «картину мира» россиянина образами, которые и в XIX в. продолжали питать культуру, идеологию, религиозную мысль России.¹

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ. Проекты: «Российское княжество в Архипелаге»

<1>

В 1769-1774 гг. в период русско-турецкой войны Екатерины II послала в Средиземное море пять эскадр, на которых отправились более 12 тыс. военных (назад вернулись только 4,5 тыс. человек), и израсходовала на Средиземноморскую акцию по самым скромным подсчетам в разной валюте более 5 млн. рублей². И, тем не менее, в 1775 г. Екатерина возвестила, «что Она посылку флота своего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение в свои порты за наиблагополучнейшее произшествие государствования своего почитать изволит»³.

<2>

Оставляя в стороне вопросы долговременной подготовки Екатериной и Орловыми Средиземноморской акции, ее реализации и политическом значении (кстати, лучше всего исследованные в литературе), напомним только, что экспедиция, действительно, принесла многочисленные плоды. Был «чудесным образом» разбит турецкий флот при Чесме и установлен контроль за передвижениями судов в Восточном Средиземноморье, был нарушен столь любезный европейским политикам Века Просвещения «баланс сил», и в число государств, претендовавших на свое место в Средиземноморских делах, влилась и Россия. На четыре с лишним года Россия завладела примерно 20 островами⁴ в Южной части Архипелага, декларировав в январе 1771 г. создание Архипелагского княжества; в дальнейшем в Средиземноморье была создана и широкая сеть российских консульств.

<3>

Но были у Архипелагской экспедиции и иные значительные последствия: экспедиция открыла средиземноморское культурное пространство одновременно нескольким тысячам русских – от рекрутов-солдат и матросов до офицеров из знатнейших семейств, и именно глазами тех, кто вернулся из Архипелага их современники и потомки стали в будущем смотреть на полулегендарные земли. Для Европы появление русского флота у берегов Греции и поддержка, хоть и неудавшегося, восстания 1770 г. против османского господства, также стали событиями примечательными. Не случайно, автор новейшего исследования о восприятии европейцами Греции Дэвид Рёссел⁵ именно с этой даты отсчитывает начало европейского увлечения Грецией как родиной европейской демократии и образцом наук, Разума, искусств, вкуса и

фотофиксация и исследование памятников российского присутствия 1770-1774 гг. в Восточном Средиземноморье» (09-04-18003е), «Средиземноморская политика Екатерины II и ее культурный контекст» (05-01-01262а).

² См.: Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769-1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского ведомства. 1848. Ч. IV. С. 400-401; Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, события. Спб., 2007. С. 443-444.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Т. XII. С. 299.

⁴ Их число в разное время в разных документах названо от 14 до 22.

⁵ Roessel D. In Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination. Oxford, 2002.

гармонии; увлечения, спровоцировавшего путешественников, коллекционеров, литераторов заново осваивать культурное пространство Архипелага.

<4>

Таким образом, русские, сами того не чая, в известной степени «задали тон» филэллинизму интеллектуальной элиты Европы конца XVIII – XIX вв. Но, отправляясь в Средиземноморский поход, ни Екатерины II, ни тем более участники похода, о таких последствиях акции едва ли мечтали.

<5>

Что же участники экспедиции, могли ожидать от встречи с Восточным Средиземноморьем? Ради чего отправлялись в дальний поход? Кого хотели освободить от «поносного ига»? Как обустроивались на завоеванных землях? Как российское присутствие в Архипелаге отпечталось в исторической памяти современников?

<6>

На эти вопросы я попробую ответить, опираясь на документальные источники, мемуары и описания Архипелага, оставленные участниками похода (изданные и рукописные)⁶, а также используя собственные впечатления, полученные от знакомства с современным состоянием памятников Российского присутствия 1770-х гг. в Эгейском море⁷.

Символы и реалии Средиземноморья в российском культурном сознании (X – середина XVIII в.)

<7>

Что же участники экспедиции могли ожидать от встречи с Восточным Средиземноморьем? В *русском традиционном* сознании Восточное Средиземноморье и в XVIII в. продолжало сохранять значение *сакрального пространства*, ориентированного на Иерусалим и окружающую его Святую Землю. Это пространство с древности было освоено паломниками. Пожертвования, которые русское правительство направляло греческим монастырям и патриархам, дозволение греческим посланцам собирать милостыню в пользу православной восточной церкви, поддержка греческих колоний в России (прежде всего, в Нежине) не позволяли забывать о том, что в Восточном Средиземноморье живут единоверцы, страдающие

⁶ Значительная часть документальных источников была издана в XIX в., прежде всего, в: Материалах для истории русского флота. СПб., 1888. Т. 11, 12. В исследовании также использованы неопубликованные материалы из фондов Российского Государственного Архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), Российского военно-исторического архива (РВИА), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Владимиро-Суздальского Музея-заповедника (ВСМЗ) и некоторых др.

⁷ В данной публикации наряду с картографическими материалами помещены фотографии, сделанные автором статьи и художником Ю.Я. Яриным в Греции в 2008-2009 гг.

после падения Византии под игом иноверных турок. Это придавало актуальность средневековой идее деления мира на христианский и мусульманский, и поэтому Восточное Средиземноморье воспринималось как пограничье двух противостоящих миров, куда неоднократно европейские христиане совершали крестовые походы. Пришедшие из средневековья, эти представления, так или иначе, накладывали свой отпечаток и на сочинения XVIII в. Под их влиянием, например, увидел Восточное Средиземноморье в 1723-1747 гг. и самый известный русский паломник XVIII в. – малороссийский пешеходец Василий Григорович-Барский, сочинение которого, кстати, впервые было издано в 1770-х гг.⁸

<8>

К последней трети XVIII в. с приходом увлечения классицизмом в образованной среде растет интерес к Восточному Средиземноморью как *родине античной культуры*. Возникает новая парадигма восприятия региона как средоточия классических древностей, а греческое население Средиземноморья рассматривается едва ли ни как современные носители прославленной античной культуры, расцвету которой препятствует турецкое иго⁹.

<9>

Для успешной пропагандистской кампании, сопровождавшей проникновение России в Средиземноморье, потребовалось найти возможность соединить *традиционные* представления о святынях, об освобождении угнетенных единоверцев Восточного Средиземноморья и о противостоянии христианского и мусульманского миров с *классицистическим* представлением о родине античной цивилизации, попоранной варварами¹⁰.

<10>

И пропаганда неплохо сработала: не только участники похода, но и его инициаторы стали представлять греков, которых они шли освобождать, своего рода античными героями, «спартамцами» (как называла Екатерина жителей Мореи), с *православным крестом* в руках. Образ красивый, но любое несоответствие с ним грозило тяжелыми разочарованиями.

⁸ См. подробнее: Смилянская И.М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5. С. 68-81.

⁹ Черняев П. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в био-библиографических очерках его деятелей былого времени // Филологические записки. Воронеж, 1904: вып. III-IV. Воронеж, 1905: вып. I-II, III-IV; Проскурина В. Ю. Мифы и империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 147-194; Augustinos O. French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore-London, 1994.

¹⁰ См. подробнее: Смилянская Е. Б., Смилянская И. М. Россия в Средиземноморье: политика и пропаганда екатерининского времени // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 30-40.

Цели Средиземноморской политики Екатерины II: освобождение единоверцев или диверсия против турок?

<11>

Как прагматичный политик Екатерина II изначально рассматривала недовольных османским гнетом балканских единоверцев скорее как горючий материал для вооруженных действий против Порты, чем как надежного союзника или объект благодеяния. В рескрипте от 29 января 1769 г. констатировалось, что русско-турецкая война *создала благоприятные условия* для борьбы единоверцев за свое освобождение от турецкого гнета, что война будет общей, но при заключении *мира каждая сторона* обретет те преимущества, которые сумеет завоевать¹¹. Однако в дальнейшем не без влияния А.Г. Орлова (находившегося в Италии в окружении влиятельных греков и славян, через которых он готовил восстание на Балканах) и Екатерина отдала должное увлечению идеей греческого освобождения и, во всяком случае, использовала ее в своей пропаганде.

<12>

А.Г. Орлов, действительно, был полон надежд «поставить на ноги до 40 тысяч человек» и спасти «многие тысячи под варварским игом страждущих единоверцев наших»¹². Неопределенные обещания порождали и у единоверцев представление о том, что российский флот прибыл в Средиземноморье ради их освобождения от турецкого гнета. Эти представления ложились на благоприятную почву, подкрепляясь широко распространившейся в Греции XVIII в. пророческой литературой, согласно которой греки будут освобождены прибывшим с севера «белокурым народом». Как пишут греческие исследователи, русско-турецкие войны и русская пропаганда среди греков трансформировали эти пророчества в ожидание того, «что освобождение народа произойдет благодаря вмешательству «Третьего Рима», куда переместилась сила православной империи»¹³.

<13>

В России на обоснование пристойной причины похода в Архипелаг ради «освобождения единоверцев», как показал А.Л. Зорин¹⁴, были направлены усилия лучших поэтов:

¹¹ Архив Государственного Совета. СПб. 1869. Т. I. Стб. 10, С. 357.

¹² Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти томах. М. 1998. Т. XIV. С. 280.

¹³ О соответствующем содержании политической мысли «сменявших друг друга поколений греческих ученых и народных и церковных лидеров» и отклике на пророческую литературу в народе см. Китромилидис П. Эпоха Просвещения в Греции. Перев. с греч. СПб., 2007. С. 130-148; Nicolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea. Russia and the Emergence of Modern Greek nationalism // *Balkan Studies*. Vol. 26. 1985. С. 41-56.

¹⁴ Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века. М., 2001.

<14>

«Не для златого вам руна,
Не для несчастной Андромеды,
О россы! предлежит война
И предлежат в войне победы <...>
Не гордость вас на брань зовет –
Защита ближних и спасенье»
(М. Херасков. «Ода российскому воинству, в феврале 1769 г.»)

<15>

«Потрясшего закон ты идешь потрясти,
Отечество спасти,
И Грецию защитить»
(В. Петров. «Ода на победы российского флота <...> при Хиосе, 1770 года»)

<16>

А для более широкой аудитории трудились и церковные проповедники. Уже в 1769 г. в прессе была опубликована проповедь, включавшая обязательную похвалу Екатерине, которой Бог дарует: *«ревность к освобождению церкви святой и всего Христоименитого достояния от горького порабощения Сарацинского»* (здесь и далее в цитатах выделено мною. – Е. С.)¹⁵.

<17>

Лучший ритор екатерининского времени митрополит Платон (Левшин) в проповеди на новый 1771 г. возглашал:

<18>

«Если б герои наши взошли в те отдаленнейшие места, токмо чтобы воевать, и открыть свету мужество свое, и сие не было б против обычая народов. Но зри совсем отличную причину. Народ тамо обитающий приемлет их за своих избавителей и спасителей. Да что, говорю, тамо?»¹⁶.

<19>

А речь того же Платона по случаю Чесменской победы была издана вместе с греческим переводом, причем переводчик сопроводил его такими стихами:

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1769. № 83. Прибавление.

¹⁶ Платон (Левшин). Слово на новый 1771 год // Поучительные слова при высочайшем дворе <...> Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя <...> Платоном. М., 1780. Т. 2. С. 319.

<20>

«С российска языка сей зделан перевод,
Чтоб пользоваться мог им греческой народ,
Которой с радостью всех большею взирал,
Что Росс в их отчестве победы одержал,
И что монархини Российской храбрый флот
Для их спасения пучиной грозных вод
Флот фараона нынь Турецкаго покрыл,
И чудо таково ж, как Мойсей, явил».
(подписано: Кесарий архим. Воложски)¹⁷.

<21>

Увлечение идеей освобождения русским оружием православных греков разделяли и на Западе Европы, хотя религиозной риторики в европейских изданиях было немного. Орган французских протестантов в Голландии *Gazette d'Amsterdam* и английский *Gentlemen's Magazine* в 1770 г. в один голос уверяли читателей, что «дополнительным ударом по туркам станет то, что с первым появлением русского флота в Архипелаге греческие острова восстанут и признают Ее императорское величество своим сувереном»¹⁸. Амстердамская газета опубликовала даже предположение о том, что Морея (Пелопонес) сбросила османское иго при помощи русских войск, и что теперь греки работают над созданием такого правительства, какое есть у других христианских наций¹⁹. Оба сообщения оказались ложными, тем не менее, они свидетельствуют об ожиданиях западноевропейских общественно-политических кругов.

<22>

Со второй половины 1770 г., после поражения греческого восстания на Пелопоннесе эйфория от ожиданий совместных побед стала проходить. В газетных публикациях в Европе и России нарастало разочарование в *греках*, появились статьи, в которых говорилось, что «греки слова не держат», что они мстительны и жестоки к туркам²⁰.

<23>

12 января 1771 г. обращаясь к старшинам (приматам) 14 островов, вошедших вскоре в Архипелагское княжество, Г.А. Спиридов напишет:

¹⁷ Платон (Левшин). Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великого по причине одержанья флотом Российским над Оттоманским флотом во Архипелаге славныя победы, 1770 годы июня 24 дня (Произнесено 15 сентября 1770 г. в Петропавловском соборе) с греческим переводом, пер. архимандрит Кесарий Воложский // Платон (Левшин). Поучительные слова при высочайшем дворе <...> Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанныя <...> Платоном. М., 1780. Т. 2. С. 288.

¹⁸ *Gazette d'Amsterdam*. 1770. № 40.

¹⁹ *Ibid.* 1770. № 43.

²⁰ *Ibid.* № 59.

<24>

«Будучи известно о греках, стнящих под игом агарянским, *соболезную о столь храбром народе, пришедшем в таковой великий упадок храбрства*, что турок стали бояться, как бы малые дети каких страшилищ <...>».

<25>

Правда в том же обращении адмирал находит и слова, долженствовавшие взбодрить дух союзников:

<26>

«Естли в вас дух *благородства древних греков* ваших прапращуров – ныне времени избавится от рабства всегда отягчающих вас агарян <...> Ежели же положите точно под покровительством нашего оружия освободится от рабства и подданства агарянского и возставит древнею вашу славную греческую волность, то надлежит вам немало не боясь турков, ныне публично отказатца от рабства и подданства турецкаго и турков <...> на острова свои не пускать»²¹.

<27>

После перенесения военных действий из Мореи в Архипелаг и объявления в январе 1771 г. о создании Архипелагского княжества в отношениях русских «освободителей» и греков стал преобладать трезвый расчет²². По отрывочным записям можно предположить, что жители островов – *греки*, постаравшись извлечь все возможные выгоды из присутствия иноземцев, вызывали у участников Архипелагской экспедиции *более подозрения, нежели симпатии*.

<28>

Описывая нравы жителей Архипелага, бригадир М. Коковцев, кажется, выражал господствовавшее между участниками экспедиции мнение: греки, населяющие Архипелаг,

<29>

«*благоденствовавший под державою Великия Екатерины с 1771 по 1775 год <...> в невежестве и бедности, и с нуждою пропитание от плодов земных своих имеют. Причиною всему сему лень, непросвещение и беспорядочное турецкое правление <...>; остроумие <...> они употребляют на обман, притворство и лицемерие <...> Сребролюбие владычествует над сердцами их <...> ежели видят случаи воспользоваться прибытком – рады жертвовать блеску металла самыми лучшими друзьями и родственниками. Слушать и рассказывать басни – главное их*

²¹ РГА ВМФ. Ф. 190. ОП. 1. Д. 16. Л. 73-77.

²² В военных действиях конца 1770-1774 гг. вместе с русскими участвовали примкнувшие к российскому флоту преимущественно греческие капитаны, движимые идеями греческого освобождения (но также промышленявшие каперством), а также греки и албанцы, получавшие равное русским жалование. См. об этом: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007.

упражнение. В законе они суеверны, к женскому полу ревнивы, и подобно туркам содержат жен своих в затворничестве»²³.

<30>

По мнению Коковцева, просвещенными могли называться только жители островов «Тино, Сиро, Микон, Наксия и Патмос», которые были втянуты в морскую торговлю. По отношению к жителям прочих островов и у Коковцева, и у русского капитана Хметевского, и у волонтера графа Г.Л. Паш ван Кринена²⁴ доминируют обвинения в «дикости и варварстве», чему виной считаются «занятия только земледелием»²⁵ и «османское владычество». Все эти обвинения можно встретить при описании малознакомых культур; по наблюдениям Ларри Вульфа без подобных шаблонных обвинений редко обходились и путешественники, открывавшие Восточную Европу²⁶.

<31>

Впрочем, и у греков российское присутствие вызывало нараставшее разочарование и обиды. В современной греческой историографии получило распространение, кочующее из одной работы в другую заключение о том, что русские слишком обременили острова налогами и работами, что при русских острова значительно больше страдали от пиратов, чем это было ранее, наконец, что «все это заставляло жителей островов мечтать о том, чтобы снова попасть под турецкое владычество»²⁷.

<32>

Непросто складывалось и церковное общение единоверных греков и россиян. Несмотря на значительное число православных церквей, в том числе и пустыющих, церковные службы отправлялись обычно на флоте своими священниками на своих кораблях, или в

²³ Коковцев М. Г. Описание Архипелага и варварийского берега, изъявляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786. С. 68-71.

²⁴ Pash van Krienen H. L. Breve descrizione dell'Archipelago e particolarmente delle diciotto isole sottomesse l'anno 1771 al dominio Russo. Livorno, 1773. Голландец по происхождению, увлеченный археолог, еще до начала русско-турецкой войны приехавший в Архипелаг, граф Хендрик Леонард Пащ ван Кринен в 1771 г. поступил на русскую службу и был зачислен в Шлиссельбургский полк. Весной 1771 гг. по приказу российского командования в Архипелаге он был отправлен для вербовки греков на военную службу и для описания островов Архипелажского княжества. Судя по всему, Пащ ван Кринен составил два варианта своего описания: одно - для «ученой» публики, заинтересовавшейся его раскопками могилы Гомера; другое – для российского командования. На итальянском языке его описание увидело свет в 1773 г. В это же время переводчик Архипелагской экспедиции Павел Жуков составил перевод его донесения российскому командованию, который мы в дальнейшем и цитируем (в переводе имя автора: «Гендрик Леонард Дешаш Криненский» – ОПИ ГИМ. Ф. 445 Д. 114).

²⁵ Коковцев М. Г. Описание Архипелага. С. 23-24, 36, 12.

²⁶ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003 (Перевод с англ. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford/Ca. 1994).

²⁷ Κωνστα Π. Ε. Η Ρωσσία ως ναυτική δύναμις (860-1960 μ. Χ.) Αθήνα, 1961. С. 121. Во многом подобные заключения делаются на основании работы П.М. Контогиани: Κοντογιάννη Π. Μ. 'Οι Έλληνες κατά τον πρότον επί Αικατερίνης Β' ρωσσοτουρκικών πόλεμον. Αθήνα, 1903.

новопостроенной русскими церкви Преображенья Господня на базе русского флота в Аузе на Паросе.

<33>

Греков-единоверцев обвиняли в том, что они свои храмы **неправильно** содержат:

Иллюстр. 1: Церковь Успенья Богородицы в Парикии «Стовратная» (фотография Ю. Ярина)

<34>

«в Паросе церковь Успенья Пресв. Богородицы считается в Архипелаге знатная, сказывают, будтобы построена Еленою царицею из мрамора, но по *неразумению* (sic! – Е. С.) греков, мрамор замазывают известкой, внутри иногда и живаписью; во оных же церквах и католические престолы иметь от султана дозволено; великолепия никакова и украшения на образах нет, письмо очень дурно, а ежели и есть на образах оклад, и то медный <...>»²⁸.

<35>

Присутствие на службе в местных греческих церквях и встречи с духовенством помимо языкового непонимания встречали и насмешливое культурное отторжение. С. Хметевский оставил такие записи:

<36>

«Попы со крестом и с потрахелью всегда ходят. И где только встретится с нашим, руским, то где б то ни было, надев потрахель, тотчас *свертит молебен за нашишня денги* [выделено мною. – Е. С.]. Из наших были такие, которые в церкви после службы Божией бросали нищим братьям и робятишкам мелкия денги, которыя по жадности бросятся подбирать, то *и поп, выскоча из олтаря в ризах*, тут же с робятишками

²⁸ Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и берегов Малой Азии в 1770-1774 гг. // Современник. 1855. Т. 49. С. 72. Оригинал Журнала Хметевского хранится в Объединенном Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (ВСМЗ № В-9642).

хватает, и ево повалят на пол. И так более смешны, нежели благочинны»²⁹.

<37>

Клишированные обвинения греков в лицемерии, хитрости и склонности к обманам и предательствам, кочующие из одного описания в другое, родились после неудач совместных действий в Морее. Письма А.Г. Орлова и Екатерины весной-летом 1770 г., содержат, как известно, характеристики не менее жесткие³⁰, чем у Хметевского, Грейга, Коковцева, ван Кринена и др.

<38>

Действительно, разочарование в возможностях греческого восстания оказалось тем горше, чем сильнее у инициаторов Архипелагского предприятия были надежды на совместные действия в войне против осман.

<39>

Однако в дальнейшем, российское командование начинает более трезво смотреть на реалии. Мирных жителей – «диких», «непросвещенных», «обманщиков» и «разбойников» все чаще отличают от «собратьев по оружию».

<40>

В 1771 г. Г.А. Спиридов распространяет обращение к «*храбрым в военных делах славянам, грекам, македонцам, албанцам и румелиотам, <...> которые серебро и золото за малое дело ставят, а предпочитают больше всего военную славу и вольность*», вступить на российскую военную службу. Кроме проблематичной в создавшихся условиях «вольности во все будущее время», им были обещаны взятая добыча и плата деньгами «не на пьянство и не на картежную и костяную игру, блядовство и мотовство», но на обувь, одежду, провиант³¹.

<41>

Иными словами, ставка делалась на тех, для кого военная служба стала профессией, заработком и времяпрепровождением. И «эти храбрецы» откликнулись. С весны 1771 г. остров Парос стал местом сбора албанских и греческих добровольцев, которые ежедневно прибывали на малых и средних судах (только за май 1771 г. более 2500 человек)³².

²⁹ Рукопись ВСМЗ. № В-9642. Л. 84.

³⁰ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770-1773 // Русский архив. 1880. Т. III. С. 254; Материалы для истории русского флота. Т. 11. С. 548, 568; Уляницкий В. Босфор, Дарданеллы и Черное море в XVIII веке: очерки дипломатической истории восточного вопроса. М., 1883. С. 121, 123.

³¹ Цит. по: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 366.

³² РГВИА. Ф. Военно-ученый архив (ВУА). 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 142 об.

<42>

В отношении регулярных военных к воевавшим рядом добровольцам из греков и славян вернулись и уважение к смелости, и сочувствие к тяжелому угнетению. И тот же М. Коковцев, бравивший мирных «не-просвещенных» жителей Архипелага, писал: «Во время пребывания российского флота в Архипелаге, ободряемы российским оружием, явили они [греки – Е. С.] знаки отличной храбрости <...>»³³.

Архипелагское княжество Екатерины II.

<43>

Как обустроивались на завоеванных землях? Осенью 1770 г. командование Архипелагской экспедицией весьма скоропалительно избрало своей базой центральный остров Кикладской гряды в Эгейском море – остров Парос и самую его глубокую и защищенную Наусскую бухту с рыбацкой деревушкой Ауза (Наусса). Назначенный в отсутствие А.Г. Орлова командующим российским флотом в Средиземноморье адмирал Г.А. Спиридов разослал приматам (синдикам) и духовенству 14-ти островов южной части Эгейского моря предложение присягнуть российской императрице и уже в феврале 1771 г. писал в Петербург о приведении «в подданство» России островов, названных вскоре Великим княжеством Архипелагским. Пришедшая в марте в российскую столицу эта новость стала полной неожиданностью и для членов Совета при Высочайшем Дворе и для самой императрицы, и даже для только что прибывшего в Петербург из Архипелага через Италию А.Г. Орлова.

<44>

Пока в Петербурге шли споры о том, как следует содержать «российские посессии», адмирал Спиридов в Архипелаге продолжал развивать деятельность по учреждению структур управления новосозданным объединением островов. Он потребовал, чтобы от каждого острова были избраны по три депутата, прибыли на Парос и «подписались служить». В их обязанности входило собирать «десятую часть продуктов» в виде податей, управлять островами, судить и, «по вине смотря, наказывать, кроме смертной казни» (о смертных приговорах требовалось докладывать Спиридову). Жители должны были «почитать и быть послушны» своим «депутатам», без их ведома не отлучаться с островов и показывать депутатам всю свою корреспонденцию³⁴. «Генеральным депутатом от островов» стал уроженец острова Миконос, вступивший на русскую службу, Антон Псаро. Его «генеральная канцелярия» размещалась на базе флота в Аузской бухте³⁵.

³³ Коковцев М.Г. Описание Архипелага. С. 71.

³⁴ См., например, расписку трех депутатов от острова Парос от 25 января 1771 г. / РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 16. Л. 53-53 об.

³⁵ Пожалуй, самые подробные сведения о деятельности А. Псаро как «генерального депутата» от островов и о структуре управления Архипелагским княжеством содержатся в исследовании П. Контогиани: Κοντογιάννη Π. Μ. Οι Έλληνες κατά.

<45>

Между февралем и июнем 1771 г. Г.А. Спиридов разрабатывал даже своего рода *Проект-Наказ* депутатам и духовенству островов Архипелагского княжества, в котором размышлял о будущем устройстве островов как «республики» или как герцогства («архидукства»)³⁶. В дальнейшем (на период отсутствия Псаро) Спиридов препоручил руководство всеми делами княжества своему генеральс-адъютанту Павлу Нестерову. В 1772 г. именно Нестеров в развитие идей Г.А. Спиридова разрабатывает «установления», регламентирующие деятельность «островских» и центральной канцелярий, полномочия их депутатов, систему налогов и сборов, процедуру судопроизводства по гражданским делам и проч.³⁷

<46>

Анализ документов Архипелагской экспедиции дает все основания говорить о том, что в 1770-1774 гг. в Средиземном море Россия в первый раз в своей истории создавала заморское государство, гарантировала ему свою защиту и покровительство, учила его жителей самоуправлению. Пусть этому государству были отведены всего четыре года существования, но этот эксперимент смог соединить в себе утопию и расчет, военное предприятие и гуманитарную акцию. В отечественной истории подобный эксперимент в Средиземном море удалось поставить еще только раз – по прошествии трех десятилетий похожие действия предпринял Ф.Ф. Ушаков, участвуя в создании Ионической республики (1800-1807 гг.)³⁸. Но между четырьмя годами Архипелагского княжества и семью годами Республики Семи островов пролегла Французская революция, да и Ионические острова оказались лучше подготовленными для подобного предприятия.

<47>

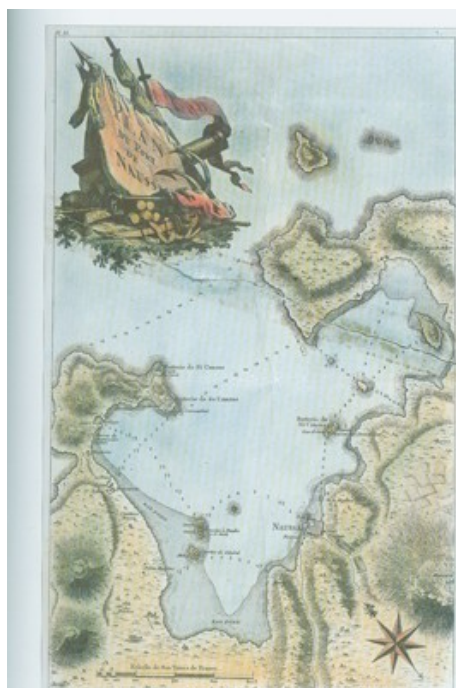
В реализации обширных планов по возрождению греческой государственности на островах определенных успехов сумели достичь, пожалуй, только в Аузе/Науссе, которую с исключительным напряжением все годы российского присутствия в Архипелаге строили как столицу нового государственного образования и военную базу.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 171-184; Д. 121. Л. 99-100 об.; Л. 67-68, 94-97. См. также: Κοντογιάννη Π. Μ. Οι Έλληνες κατά

Р. 241-242.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 121. Л. 94 об.

³⁸ Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 127-179.

Иллюстр. 2: Карта Наусского залива (1776 г. Шуазель-Гуффье) http://cartography.web.auth.gr/Maplibrary/New/Samourka_img/CD_09/CHOISEUL/Z_0614.gif (8.02.2010)

В первые месяцы 1771 г. вход в Наусский залив укрепили артиллерийскими батареями и подремонтировали полуразвалившуюся крепостцу, построили лагерь, вскоре стали строить госпиталь, печи для изготовления сухарей, «адмиралтейство», парусную и прядильную палаты, на островке рядом с «адмиралтейством» возникли дома генерал майора И.А. Ганнибала и бригадира капитана И.А. Борисова, каменные казармы для служителей корабля Святой Яннуарий³⁹.

Иллюстр. 3: Крепость в Науссе (фотография Ю. Ярина)

³⁹ Корабль Святой Яннуарий, которым в 1769-1773 гг. командовал И.А. Борисов, в 1773 г. дал сильную течь, в 1774 г. его начали тимберовать в Аузе, но из-за недостатка материалов и нехватки мастеров работы не были завершены. Корабль в 1775 г. был продан на дрова. См.: Чернышев А.А. Российский парусный флот. М., 1997. Т. 1. С. 53.

В бухте, с тех пор и по сей день называемой «Лагери» были построены «каменные 1773 года штаб и обер афицерские покои и солдацкие казармы для шлиссельбургского полку» (первоначально для Шлиссельбургского полка место нашли неудачное, гнилое, смертность в Полку была катастрофической – полк почти полностью погиб от лихорадки и кровавого поноса). «По западному берегу [разместилось. – Е. С.] каменное строение разных штаб и обер афицеров, находящихся при алмиралтействе и береговой команде», появился и «на горе флагшток, где чинят сигналы». В рыбацком поселении появились специальные команды, следившие за чистотой водных источников и улиц поселения⁴⁰.

<49>

Кое-что из построенного тогда сохранилось до настоящего времени: легко обнаруживаются фундаменты флотских магазинов, артиллерийские батареи, полуразрушена, но пока еще цела Преображенская церковь, построенная при госпитале. В крупном мужском монастыре Лонговардас на нескольких книгах XVII-XVIII вв. сохранились рисунки парусников с андреевскими стягами и вклад русских – икона св. Евстафия Плакиды, написанная в память о единственном корабле «Святой Евстафий», погибшем в Чесменскую битву. В маленьком Аузском историко-этнографическом музее собраны российские монеты, крестики, литые иконки, которые до сих пор часто находят на месте русского лагеря и особенно на месте кладбища.

Иллюстр. 4: Икона св. Евстафия из монастыря Лонговардас на Паросе (фотография Ю. Ярина)

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 188. Д. 93. Л. 236 об.

Иллюстр. 5: Русский складень, обнаруженный на месте расположения русских, из Музея в Науссе (фотография Ю. Ярина)

<50>

До того, как несколько лет назад Ауза/Наусса вдруг стала модным европейским курортом, за всю историю острова никогда в Аузском заливе не было такого **многолюдства**. В деревне Ауза в 1770 г. было всего 200 дворов:

<51>

«построены из плитного камня, некоторые на извеске, а другие и на глине весьма худо, и почти все об одном жилье без всякаго украшения, а улицы между оными некоторыя, хотя и прямы, но гораздо уски, к тому ж жители по своему худому обыкновению изо всех домов выносят разные нечистоты и бросают во оных, от чего бывает завсегда большая духота. Церквей и монастырей, как в самом местечке [Аузе – Е.С.], так и около онаго вблизи щитают 35»⁴¹.

<52>

И вот на эту едва ли **тысячу жителей** сваливаются нежданно- негаданно до 5 тыс. русских и западноевропейцев на русской службе, а также до 15 тыс. *греческих, славянских, албанских добровольцев*. Остров опустошается, лишается лесов, местные жители нередко обращаются с жалобами на грабеж и разбои, которые, впрочем, российское командование настойчиво пресекало, ища виновных и вынося суровые приговоры⁴².

<53>

Для командования Архипелагской экспедицией опыты государственного и военного строительства сочетались (помимо текущих военных и дипломатических дел!) и с культурными экспериментами. Уже несколько столетий в Европе преклонение перед греческой античностью

⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. 846. Оп. 16. Д. 1860. 143 об.

⁴² См., например: РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 65. Л. 12-13 об.

рождало страсть коллекционирования. Русские в 1770-х гг. в своем желании *присвоить античность* не стали исключением, и едва ли тогда кто-то мог их в этом упрекнуть⁴³.

Документально подтверждается, что по указанию Г.А. Спиридова в Науссу, а затем на разных судах в Санкт-Петербург в Академию художеств и в некоторые частные коллекции доставляли обнаруженные российскими военными с помощью местных жителей антики⁴⁴. Впрочем, не все антики попали в Россию: голландский волонтер Паш ван Кринен, кажется, спешно уволился с русской службы, чтобы самостоятельно распоряжаться теми антиками, которые он приобрел на острове Иос во время раскопок «могилы Гомера» (свои памятники ван Кринен, действительно, сумел вывезти в Италию и даже намеревался заинтересовать ими Фридриха Прусского)⁴⁵.

<54>

При этом от греков не только хотели «забрать» наследие античной цивилизации, но готовились их *цивилизовать* в духе европейского Просвещения. Самый примечательный эксперимент был проделан на острове Наксос, где А.Г. Орлов создал свой *просветительский центр*, ориентируясь, судя по всему, на проекты, претворявшиеся в жизнь в это время в России императрицей и И.И. Бецким. На Наксос были собраны дети из семей различного состояния, они поступали на полное обеспечение из средств, выделяемых А.Г. Орловым, жили в изоляции от своих семей (по-видимому, почти как в московском Воспитательном доме) и, вероятно, должны были в будущем составить «новую породу людей» нового Греческого государства.

<55>

«Греческия малчики, как приматские так и бедны[х] островски жителей дети и сиротки, содержаны были <...> одеянием и пищею и обучением согласно с великодушием и щедротою Всемилоливой <...> государыни»⁴⁶, при детях состоял «эконом Жованни Ацали»⁴⁷.

⁴³ Научившиеся ценить римскую античность, не только русские, но и западные европейцы, как оказалось, ко второй половине XVIII в. все еще имели весьма абстрактные представления о «родине Гомера» и сохранившихся на ней сокровищах. Это только позднее уже в XIX-XX вв. стало ясно, что желание «обладать античностью», мода на антики более способствовали тогда варварскому разрушению, нежели изучению памятников Эллады. См., например: Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor, 1991; Roessel D. In *Byron's Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination*. NY, 2002. P. 13-41; Augustinos O. *French Odysseys: Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era*. Baltimore-London, 1994.

⁴⁴ Их число и качество не стоит преувеличивать (что нередко встречается в зарубежных исследованиях). См.: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ и античность = Sankt-Petersburg und die Antike = Sankt-Petersburg and classical antiquities: материалы выст. / Авт. текстов: Л.И. Давыдова и др; науч. ред. Е.В.Мавлеев. СПб., 1993. С. 62-64; Трей Г. Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств. СПб., 1870. Вып. 1: Скульптура древних народов. С. IV. Описи (с обмерами и весом) собранных антиков см., в частности: РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 96 об., 92, 95, 99 и др.

⁴⁵ Graf Pasch van Krienen. *Abdruck seiner italienischen Beschreibung des griechischen Archipelagus, mit Anmerkungen und einer Abhandlung aus dem Nachlasse* / Ed. L. Ross. Halle, 1860. S.131.

⁴⁶ Из письма А.Г. Орлова А.В. Елманову от 28 июля 1774 г. / РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92 . Л. 158-159.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119.

<56>

Г.А. Спиридов после отъезда А.Г. Орлова продолжил заботу о Школе, направив ее деятельность сообразно своим предпочтениям на обучение морскому делу. Для этого «с острова Наксии малолетних гречат 46 человек» разослали «в число кают юнг на разные корабли»:

<57>

«Георгий Андреевич за благо почел оных малчиков по кораблям и фрегатам распределить, производя им пропитание и стараясь, дабы оныя обучены были русской грамоте, читать и писать могли, при том обучать и навигации»⁴⁸. Однако на этом просветительские опыты не завершились. С июля 1773 г. А.Г. Орлов пожелал придать своему школьному эксперименту больший резонанс⁴⁹ и перевезти «гречат» в Пизу, где специально для своей Школы он приобрел дом. Он пишет в это время Г.А. Спиридову:

<58>

«Прошу не оставить ребяташек греческих, которые уже набраны и впредь будут набиратца и коих мне сюда при случае судами пересылать человек по 15 а я здесь делаю об них учреждение школу, чево для и дом болшой в Пизе беру, а впредь што с ними будет приказано от двора учинить – тово еще не знаю, но думаю, что и там для них готовится дом, где оне для всякова ученья приняты будут»⁵⁰.

<59>

И в дальнейшем в 1774-1775 гг. Орлов продолжает трогательно заботиться о Школе, поручая А.В. Елманову присылать на военном судне «с пропитанием» «всех их малчиков в Италию для обучения и воспитания в учрежденной в Пизе для них школе» (с оговоркой: только с согласия их родителей, «не делая в том не малейшего насилия против их желания»)⁵¹. Когда же флот покидал Средиземноморье, греческих школьников забрали из Пизы в Россию⁵², и школа продолжала существовать уже в Санкт-Петербурге⁵³. В своем сочинении об Архипелаге Матвей Коквцев подытожил историю наксинской школы самым высоким стилем:

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 158-159. См. также: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот. С. 411-413.

⁴⁹ И резонанс в Европе, действительно был. Амстердамская газета поместила такую, например, заметку: «<...> фрегат Григориус имел также на борту 26 юных греков и 12 гречанок, прибывших из Мореи, которые после прохождения карантина имеют намерение разместиться в Пизе, чтобы обучаться в колледже, который генерал-аншеф гр. А.Г. Орлов здесь основал по приказу российской императрицы». – Gazette d'Amsterdam. 1773. № 93.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 119. Л. 29 об. (письмо Орлова Спиридову 1773 г.).

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 92. Л. 158-159, 167-173 об.

⁵² РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 148.

⁵³ В январе 1775 г. для отправлявшихся в Санкт-Петербург греческих мальчиков из Архипелага было учреждено училище, в 1792 г. преобразованное в «Корпус чужестранных единоверцев», в 1796 г., правда по распоряжению Павла I это училище было закрыто. См.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 134.

<60>

«Все острова возчувствовали обильно изливаемая щедроты Великия и Премудрыя Екатерины, которая, желая возстановить упавшия науки, повелела устроить на острове Наксии училище, но как острова и паки возвращены Оттоманской Порте, то обучавшиися отвезены Российским флотом в Санктпетербург, где восхищаются Матерним Минервы призрением»⁵⁴.

Архипелагское предприятие в исторической памяти современников

<61>

После ухода российского флота из Архипелага его участники увозили с собой экстраординарный опыт мореплавания в Южных морях и побед над османами. Память о Средиземноморской экспедиции они выражали по-разному: капитан Хметевский – в составлении (вероятно, совместно с адмиралом Г.А. Спиридовым) Журнала с многочисленными картами и рисунками. Ю.В. Долгорукий и С.Я. Грейг также в мемуарных записях. А иеромонах Анатолий Мелес, по возвращении ставший настоятелем Глуховского монастыря, перелил в монастыре часть колоколов на пушки и грохотом любил встретить посетителей обители: «стоя на крыльце в китайчетом халате цвета вороньего крыла с непокровенною главою и босиком, он рассказывал, что, священнодействя в прошедшую против турок войну на хребтах корабельных, привык к пороху и пушечному грому»⁵⁵.

<62>

Свое «граффити», хотя бы на символических владениях в Архипелаге, пожелала оставить и императрица Екатерина, проектировавшая в 1775 г. серию памятников-островов⁵⁶. Многочисленные исправления, сделанные рукой императрицы при составлении мемориальных надписей показывают, какое значение приобрело для нее трехлетнее владение Архипелагским княжеством и как Средиземноморская операция превращалась в важный национальный символ.

<63>

Целью экспедиции отныне считалась лишь помощь единоверцам, и вот что гласила первая надпись на обелиске посвященном победам в **Морее**:

⁵⁴ Коковцев М.Г. Описание Архипелага. С. 68-72.

⁵⁵ Добрынин Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриилы Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца и 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. В 3-х частях (изд. 2 и предисл. М.И. Семевского). СПб., 1872. С. 114.

⁵⁶ РГАДА. Ф.10/1. Кабинет Екатерины. № 444. Л. 6-8.

<64>

«По повелению императрицы Екатерины Второй создан сей столп на память первого шествия российского ваеннаго флота в Средиземное море в 1769 году для вспоможения благочестивых греков и освобождения их от ига нечестиваго турка [выделено мною. – Е. С.] <...>»

<65>

Мифология побед должна была связать Архипелагскую акцию с главным историческим символом Российской империи – Петром Великим, поэтому второй памятник императрица намеривалась воздвигнуть Петру I (напомним, что именно в 1768-1770 гг. Фальконе создает Медного всадника, но новый памятник Петру не мог быть лишним!).

<66>

Наконец, императрица не устает торжествовать по поводу, хотя и временного, но *владычества* над землями, где некогда процветала античная культура. А потому в надписи попадают и «Амфитритовы разорения», и упоминания о гробнице Гомера на острове Иосе, и мифические «центавры», Минерва, Медуза.

<67>

Хотя 11 надписей и проект 11 мемориальных сооружений так и остались на бумаге (обелиском на острове в Царскосельском пруду в 1777 г. была возведена лишь Чесменская победа, Чесме посвятили изящную церковь Рождества Иоанна Крестителя, построили Чесменский императорский замок и назвали район вокруг замка «Чесьмою»), современники Архипелагской экспедиции смогли оценить ее роль в освоении Средиземноморского пространства. Лучше всего выразил эту мысль митрополит Платон на праздновании годовщины мира с Портою в 1775 г.:

<68>

«Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которыя прежде во училищах малым отрокам только перстом на бумаге показывали, та самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами своими.

<69>

Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския и Морейския, и Негромонтския [в смысле Черногорские. – Е.С.], и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские и Египетские. Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие

побежденным»⁵⁷.

<70>

Так Восточное Средиземноморье для россиян переставало быть только центром притяжения редких православных паломников или полумифической землей *Иллиады и Одиссеи*. Оно приобретало выверенные картографами очертания и его земли наполнялись вполне реальными людьми, с которыми – как с греками, так и с турками и арабами – можно было строить вполне прагматичные отношения. И четыре года существования Архипелагского княжества подтвердили возможность более или менее успешного строительства таких отношений.

<71>

Казалось бы, что при этом многие иллюзии рухнули – греки оказались далеки от воображаемых «спартанцев с православным крестом» и их освобождение перестало казаться близкой реальностью; еще более иллюзорным стало завоевание Константинополя.

<72>

Но, как выяснилось, в Петербурге рассуждали иначе. И «греческий проект» Екатерины 1782, и подготовка новых эскадр в 1786 г. показали, что Первая Архипелагская экспедиция должна была иметь не менее славное продолжение.

Автор

Елена Борисовна Смилянская

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего нового времени, Историко-Архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

esmilian1@rambler.ru

⁵⁷ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года июля 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Поучительные слова при высочайшем дворе <...> Екатерины Алексеевны с 1763 года по 1780 год сказанные <...> Платоном. М., 1780. Т. 3. С. 76.